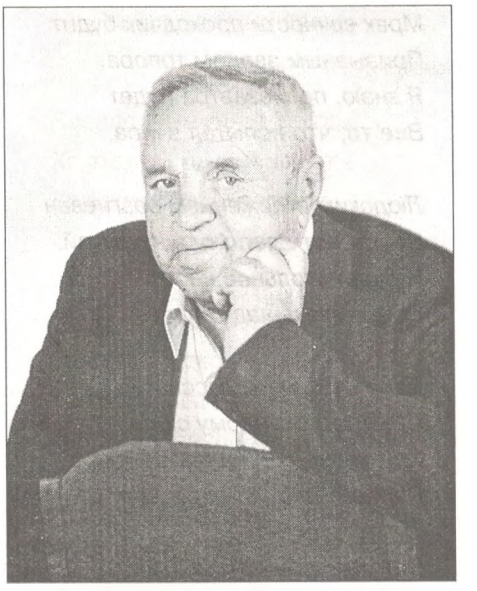
Виктор САВИНКОВ

СТРАНА МОИХ НЕДОСПАННЫХ РАССВЕТОВ



ВЫСОТА

Глубь неба глядит на меня облаками,
И я в них вонзил два зрачка.
Своими руками себя, словно камень,
Хотел бы швырнуть в облака.

Сквозь синюю мглу, обгорая, пробиться,
Проплыть над землей. А затем
Согласен в ничто навсегда распылиться,
Но только на той высоте!

* * *

Окрыленное настроение,
Бесшабашное, черт возьми.
Хоть целуй меня, хоть казни –
Никакого во мне ощущения.

Никаких во мне дум и чувств,
Весь я легкий, светлый, как воздух.
Я, раскинув руки, лечу
К голубым мерцающим звездам.

До свиданья, земля и росы,
Неоконченный с жизнью спор.
Невесомость меня уносит
В бесконечность, в вечный простор.

Я на самой высокой круче,
Над планетою мчусь и мчусь...
Приглядитесь ко мне получше
Я ведь тоже, как звезды, свечусь.

1978 г.

ОРЕЛ

Жил орёл, над степями свободно кружил,
С синей далью и синим простором дружил.
Но весна и дурман, не его в том вина,
Напоили отвагой орла допьяна.

Во хмелю, полный сил, он себе на беду
Полюбил недоступную в небе звезду.
Вся она, как хрустальный цветок, хороша.
И в открытую бездну рванулась душа.

Молодой, он не знал, отправляясь в полет,
Что отсутствует в бездне живой кислород,
Что за темною тучей мертва пустота.
Он взлетел. И убила его высота.

Я на небо гляжу, и все кажется мне:
Та звезда надо мною, в печальном огне,
Проплывает своей вековечной стезей,
По щеке небосклона, девичьей слезой!

1992 г.

ШАХТЕРСКОЕ НЕБО

Не мной ковёр хорезмский вышит,
Не мыл я золото на драге,
Мне по забою штанга пишет,
Как карандашик по бумаге.

САВИНКОВ Виктор Иванович *родился в 1936 году в городе Прокопьевске, где 35 лет отработал в шахте, в основном, в забоях. Стихи для него не просто увлечённость, а одна из главных составляющих жизни. Автор книги стихов «Преклоняя колено». Член Союза писателей Кузбасса. Живёт в Прокопьевске.*

Мрак вечности проходчик будит
Призывным звоном топора.
Я знаю, послезавтра будет
Все то, что испытал вчера.

Людским вторжением разгневан
Восстанет слепо пласт крутой.
И будет угольное небо
Пошаливать над головой.

Дано от синего рассвета
Прийти не каждому сюда.
И этот звон, и небо это –
Парней отчаянных судьба

Я б мог не видеть эстакады,
Вести корабль во мгле стихий.
Я мог бы даже, если надо,
Слагать красивые стихи.

О том, что было и проплыло,
Как грусть ясна, как боль нежна.
Меня бы трепетно любила
Чужая и своя жена.

Но всё равно, из всех затиший,
Штрека и скаты позовут.
Первостепенней всех и выше
Опасный оценяю труд.

Горняцкой поступи отвага,
Её не купишь, не продашь.
И по забою пишет штанга,
Как по бумаге карандаш.

1971 г.

ОТПУСКНИК

Я чёрту брат, я королю родня,
Слаба в часах пружина иль тугая –
Мне всё равно: в любое время дня
Сам господин и сам себе слуга я.

Я несерьёзен, с близкими шучу,
Я нерасчётливо сорю деньгами.
За всё плачу и на такси качу,
Где мог протопать без труда ногами.

Клубятся надо мною облака.
Лежу один под тихой звенью парка,
Кусая нежный стебелёк цветка,
Читаю Евтушенко и Ремарка.

С любой в России областью на ты.
Делюсь со встречным радостью,
как хлебом.
Подайте мне билет до Воркуты,
Давно не видел северное небо.

Не от беды, не от глухой тоски,
Не от любви и не от чьей обиды,
Хочу туда, где знойные пески
Укрыли прах отважных тимуридов.

Пускай моя потребность высока.
Но полный год работая в забое,
Под звон пилы, под рокот колонка,
Я право завоевывал такое.

Пусть кто-то хочет упрекнуть меня,
Что самолюбованием я болен.
Я чёрту брат, я королю родня,
Я отпускник, я этого достоин.

1970 г.

* * *

В захолустной глуши голубой,
Под зари золотую струну,
Из всех песен, спетых тобой,
Я запомнил только одну.

«Нежных рук весенний венок.
Синих глаз бездонная глубь.
Голубок ты мой, голубок,
Приголубь меня, приголубь».

Был я слишком робок и тих,
С безмятежной грустью во лбу.
Я ушёл от песен твоих
Городскую пытать судьбу.

В захолустной глуши голубой,
Где в цветах и травах земля,
Повзрослели вместе с тобой
Наши ивы и тополя.

В талом звоне вишнёвых вод
Пронеслись ручьи по лугам.
Милой мамой тебя зовёт
Не моих кровей мальчуган.

Минул жизни немалый срок.
Я в краю молчаливых ив.
Слабым отзвуком ветерок
Повторяет лёгкий мотив.

«Нежных рук весенний венок,
Синих пауз бездонная глубь,
Савинок ты мой, Савинок,
Приголубь меня, приголубь!»

1993 г.

* * *

Анастасии Куприк

Страна моих недоспанных рассветов,
Какой бы ни была, ты вся во мне.
Пью, как вино, стихи твоих поэтов
В затерянной сибирской глубине.

Ещё не всё прошло, ещё не вечер,
Ещё не раз меня убьёт весна
Её кудрей, спадающих на плечи,
Как тайна очарованного сна.

Я верю, что поэты – это боги,
Готовые за свет в кострах гореть.
Всю жизнь свою я торопил дороги,
Стремясь к простому счастью – умереть.

Стихи, стихи, цветов благоуханье,
Тяжелая тропинка на подъём.
Второе на родной земле дыханье
Ценою жизни мы приобретем.

Как много душ, забитых горьким горем!
Вот потому под вечною звездой
Не каплей я хотел бы быть, а морем,
С живой неиссякаемой водой.

Воспринимая боль чужую близко,
Я верю в правосудие судьбы.
Умрем мы, и на наших обелисках
Распишутся и боги, и рабы.

2003 г.

ПЛАЧУЩИЕ ТЕНИ

Памяти погибших шахтеров

Бессрочные тянутся годы...
Холодный, сырой неуют –
Крутые завалы породы
Покинуть друзьям не дают.

Здесь нет ни дверей и ни окон...
По всей бесконечности дней
Рыдает душа одиноко
В раздавленной клетке своей.

Послышится каменный шорох...
Однажды настанет пора –
Здесь тени погибших шахтёров
Проход разберут на-гора.

Когда под родным небосводом
Гуляют шахтёрские дни,
Раз в год по шахтовым отводам
Выходят на волю они.

Им адрес их встречи известен,
И в полночь, в двенадцать часов,
Они соберутся все вместе,
На дружеский зов голосов.

Про жизнь свою, как про удачу,
Не скажут они, не споют...
Обнимутся, молча поплачут,
И снова под землю уйдут.

Им вечность – глухая темница,
Их память горька, как слеза...
Усталые тёмные лица
И полные боли глаза.

Бессрочные горькие годы,
Холодный, сырой неуют...
Глухие завалы породы
Вернуться домой не дают.

2004 г.

РОДНОМУ ГОРОДУ

Мне хлебом был в забое взятый уголь,
А маяком – шахтерские огни,
Прокопьевск мой, свою ладонь, как другу,
При встрече мне открыто протяни.

Истосковавшись по родному краю,
Я, как букет пылающих цветов,
К губам руками нежно прижимаю
Зеленую весну твоих садов.

С годами ты стройнее стал и выше
Под августовским кружевом дождей,
И чистотой, и молодостью дышит
Асфальт твоих дорог и площадей.

Твоих кварталов взглядом не охватишь,
Не вымеряешь всех твоих глубин,
Мой город дружеских рукопожатий
Отважных и отчаянных мужчин.

Во славу прокопчан, в честь их творенья
Да, знает наша русская земля
Про город всероссийского значенья
По залежам и выемке угля.

Под небом, на земной, просторной ниве
Меня к тебе таёжный ветер звал
Я в жизни видел города красивей,
Но ближе сердцу города не знал!

2000 г.

СЛЕЗИНКА

Ещё не близкий и не друг уже,
Предавшись в жизни праздности и блуду,
Я думал так о милой мне душе:
Уеду, не увижу, позабуду.

Ты плакала: что ждёт нас впереди,
На грудь мою пролив слезами жалость.
Одна слезника не стекла с груди,
Она в неё всей тяжестью впиталась.

Она тебя забыть мне не велит,
Она нашла во мне сквозь ребра дверцу.
Ох, как болит, ох, как оно болит,
Пробитое твоей слезинкой сердце.

2004 г.